

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ

*«Предсмертная исповедь» — поэма талантливого русского поэта, переводчика и литературного критика Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864).****

В этом произведении описаны последние часы жизни одинокого и гордого человека. Рядом с ним находится его единственный друг, с которым он перед смертью делится своими переживаниями и воспоминаниями.

Другими известными произведениями Аполлона Григорьева являются «Вверх по Волге», «Роберт-дьявол», «Гамлет» на одном провинциальном театре», «Другой из многих», «Великий трагик», «Листки из рукописи скитающегося софиста», «Стихотворения», «Поэмы», «Проза».

Несмотря на то, что Аполлон Александрович Григорьев не пользовался особой популярностью среди читателей, его творчество высоко ценил Достоевский. Кроме того, Григорьев переводил на русский язык произведения Байрона, Мольера, Шекспира и других гениев мировой литературы.

Аполлон Александрович Григорьев ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ

1

Он умирал один, как жил,
Спокойно горд в последний час;
И только двое было нас,
Когда он в вечность отходил.
Он смерти ждал уже давно;
Хоть умереть и не искал,
Он всё спокойно отстрадал,
Что было отстрадать дано.
И жизнь любил, но разлюбил
С тех пор, как начал понимать,
Что всё, что в жизни мог он взять,
Давно, хоть с горем, получил.
И смерти ждал, но верил в рок,
В определенный жизни срок,
В задачу участи земной,
В связь тела бренного душой
Неразделимо; в то, что он
Не вовсе даром в мир рожден;
Что жизнь — всегда он думал та —
С известной целью нам дана,

Хоть цель подчас и не видна, —
Покойник страшный был чудак!

2

Он умирал... глубокий взгляд
Тускнел заметно; голова
Клонилась долу, час иль два
Ему еще осталось жить,
Однако мог он говорить.
И говорить хотел со мной
Не для тогою, чтоб передать
Кому поклон или привет
На стороне своей родной,
Не для того, чтоб завещать
Для мира истину, — о нет!
Для новых истин слишком он
Себе на горе был уме!
Хотел он просто облегчить
Прошедшем сдавленную грудь
И тайный ропот свой излить
Пред смертью хоть кому-нибудь;
Он также думал, может быть,
Что, с жизнью кончивши расчет,
Спокойней, крепче он уснет.

И, умирая, был одним,
Лишь тем одним доволен он,
Что смертный час его ничьим
Участьем глупым не смущен;
Что в этот лучший жизни час
Не слышит он казенных фраз,
Ни плача прошлого о том,
Что мы не триста лет живем,
И что закрыть с рыданьем глаз
На свете некому ему.

О да! не всякому из нас
Придется в вечность одному
Достойно, тихо перейти;
Не говоря уже о том,
Что трудно в наши дни найти,
Чтоб с гордо поднятым челом
В беседе мудрой и святой,
В кругу бестрепетных друзей,
Среди свободных и мужей,
С высоким словом на устах
Навек замолкнуть иль о той
Желанной смерти, на руках
Души избранницы одной,
Чтобы в лобзании немом,
В минуте вечности — забыть
О преходящем и земном

И в жизни вечность ощутить.

4

Он умирал...
Алел восток,
Заря горела... ветерок
Весенней свежестью дышал
В полуоткрытое окно, —
Лампады свет то угасал,
То ярко вспыхивал; темно
И тихо было всё кругом...
Я говорил, что при больном
Был я один...
Я с ним давно,
Почти что с детства, был знаком.
Когда он к невским берегам
Приехал после многих лет
И многих странствий по пескам
Пустынь арабских, по странам,
Где он — о, суета сует! —
Целенье думал обрести
И в волнах Гангеса святых
Родник живительный найти
И где под сенью пальм густых
Набобов видел он одних,
Да утесненных и рабов,